

ДИСКУРСИВНОСТЬ — специальный термин постмодернистской философии, введенный для фиксации автохтонной процессуальности дискурсивных практик (см. Дискурс), демонстрирующих, будучи не ограниченными социокультурными нормативами и запретами, безграничный креативный потенциал в отношении феномена смыслопорождения.

В этом контексте любая конкретно-историческая форма дискурса, детерминированная со стороны введенных данной культурной традицией правил осуществления дискурсивных операций (см. Порядок дискурса), рассматривается постмодернизмом как не только однозначно заданная в своих эволюционных тенденциях, но и ограниченная в своих возможностях (ср. «тело» и «телесность», «секс» и «сексуальность», «знак» и «пустой знак», «истина» и «воля к истине» — см. Тело, Тело без органов, Телесность, Секс, Сексуальность, Знак, Пустой знак, Истина). Однако вне налагаемой культурной традицией ограничений процессуальность Д. предстает в системе координат европейской классики как хаос, понятый как в аспекте своей неартикулированности в структурном плане, так и в аспекте своей креативности (см. Хаос).

Типологическим аналогом феномена Д. (в его отношении к дискурсу как структурно упорядоченному) может служить (в отношении к недискурсивным структурированным средам) такой феномен, как хюбрис — см. Хюбрис. Порождающая смысл креативность Д. практически не знает границ, причем бесконечность ее артикулируется не только как экстенсивная, но и как интенсивная, ибо процессуальность Д. характеризуется постмодернизмом как флуктуационная, т.е. чреватая непредсказуемыми случайными поворотами в своем разворачивании.

Например, Фуко констатирует нестабильность и безграничность письма (см. Письмо) как самоорганизующейся вербальной среды: «регулярность письма все время подвергается испытанию со стороны своих границ, письмо беспрестанно преступает и переворачивает регулярность, которую оно принимает и которой оно играет; письмо разворачивается как игра, которая неминуемо идет по ту сторону своих правил и переходит таким образом вовне» (см. Эротика текста). Пользуясь языком современной концепции нелинейных динамик, можно сказать, что Д. может быть интерпретирована как имманентная способность неравновесной среды дискурса к самоорганизации, процессуальность которой реализуется в качестве нелинейной (см.

Нелинейных динамик концепция, Синергетика). В этом отношении в ходе

разворачивания Д. могут обнаруживаться зоны беспредельного «разрастания» дискурса, в ментальном пространстве которых перед тотальной рациональностью западного мышления разверзаются бездны «беспорядка». Подобные aberrации возникают в том случае, если рациональность линейного стиля мышления европейской классики соприкасается с теми сферами предметности, которые могут быть определены как принципиально нелинейные (см. Нелинейных динамик теория). В таких ситуациях проявляет себя то, что для канона классической культуры предстает как «порывистость», «неудержимость» и даже «воинственность» дискурса, объективирующаяся, прежде всего, в том, что имеет место «внезапное появление... высказываний», не укладывающихся в этот канон и в канон как таковой.

В этом отношении именно нелинейность Д. выступает для классической культуры свойством, которое в контексте ее фундаментальных основоположений не может осмысливаться иначе, нежели «опасное».

Так, реальная креативность дискурсивных практик, открывающая возможность для непредсказуемых модификаций плана содержания, подвергает, по оценке Фуко, серьезным испытаниям глубинные парадигмальные установки европейского стиля мышления.

Прежде всего, это относится к идее универсального логоса, якобы пронизывающего космически организованное (и потому открывающегося логосу познающему) мироздание, чьи законы в силу своей необходимости делают все возможные модификации порядка вещей предсказуемыми и не выходящими за пределы интеллигибельных границ (см. Логоцентризм, Метафизика). —

Таящиеся в дискурсе возможности спонтанности, чреватой случайным и непредвиденным выходом за рамки предсказуемых законом состояний, ставят под угрозу сам способ бытия классического типа рациональности, основанный на космически артикулированной онтологии (см. Онтология) и логоцентризме.

Таким образом, за видимой респектабельностью того статуса, который, казалось бы, занимает дискурс в классической европейской культуре, Фуко усматривает «своего рода страх»: не обладая адекватными ментальными средствами для овладения этой стихией дискурса (или того, что кажется стихийным при рассмотрении его через призму неадекватной парадигмы), европейская культура демонстрирует характерную для ее классической традиции логофобию, рядящуюся в одежды и маски декларируемой логофилии (см. Логофилия, Логофобия). Из сказанного следует вывод о парадоксальности статуса дискурса в контексте классической культуры западного типа,

с одной стороны, фундированной презумпцией рациональности дискурсивности, с другой — не обладающей (в рамках своего ментально-логического канона) адекватными средствами для осмысления безграничности потенциала дискурса по производству смысла: в ее контексте оформляются и логофилия как декларируемая стратегия отношения к дискурсу, и логофобия как замалчиваемое стремление ограничения дискурсивной сферы.

С целью оградить свои фундаментальные основания от опасности Д., классическая культура вырабатывает в своем контексте специальные механизмы ограничения Д., т.е. специфические «процедуры, которые действуют скорее в качестве принципов классификации, упорядочивания, распределения, как если бы на этот раз речь шла о том, чтобы обуздать другое измерение дискурса: его событийность и случайность /фактически нелинейность — М.М./ (Фуко). Практически речь идет о том, чтобы так называемый «беспорядок /т.е. Д. как креативный хаос, хюбрис дискурса — М.М./ был организован в соответствии с фигурами, позволяющими избежать чего-то самого неконтролируемого» (Фуко). В частности, европейская классика (маскируясь внешним благоговением перед дискурсом) вырабатывает в своем контексте «порядок дискурса» (см. Порядок дискурса), т.е. специальные формы регламентации Д. — тем более отстроенные, чем более безнадежные в своем желании ограничить линейными рамками имманентную нелинейность дискурсивной процессуальности. Как пишет Фуко, «все происходит так, как если бы запреты, запруды, пороги и пределы располагались таким образом, чтобы хоть частично овладеть стремительным разрастанием дискурса» — см. также Комментарий.

В противоположность этому, постмодернизм фокусирует свое внимание именно на феномене спонтанной Д.

Так, в контексте предложенной Фуко программы формирования нового подхода к феноменам дискурсивной сферы, на передний план выдвигается не аналитика «порядок дискурса», но рассмотрение дискурсивных процессов в качестве самоорганизационной процессуальности смыслопорождения.

С одной стороны, ставя задачу «вернуть дискурсу характер события», а с другой — рассматривая «событие» как флуктуацию в поле дискурса, Фуко, наряду с этим, фиксирует и ее автохтонный (реализуемый на уровне самоорганизации дискурсивного поля и не сопряженный с познавательным целеполаганием мыслящего субъекта) характер, эксплицитно противопоставляя «событие» — «творчеству» и относя последнее к числу ключевых интерпретационных презумпций европейской классики. Выдвигая — в противовес культуре классического типа, где «с общего согласия искали место для творчества, искали единство

произведения, эпохи или темы, знак индивидуальной оригинальности и безграничный кладезь сокрытых значений", — радикально новую методологию исследования дискурсивных практик, Фуко разрабатывает и принципиально новый для этой сферы категориальный аппарат, эксплицитно вводящий понятие случайной флуктуации в число базисных понятийных структур новой дискурсивной аналитики. По оценке Фуко, "фундаментальные понятия, которые сейчас действительно необходимы, — это... понятия события и серии с игрой сопряженных с ними понятий: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформация".

Важнейшим методологическим выводом, в который результируется осуществленная Фуко смена ракурса видения процессуальности дискурса, является следующий: по мнению Фуко, в сфере исследования дискурсивных практик "более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий". Таким образом, в контексте философской рефлексии постмодернизма акцент делается именно на Д. как спонтанной самоорганизации дискурсивной среды, обладающей креативным потенциалом по отношению к сфере смысла.

М.А. Можейко